

Ростовская СТАРИНА

Выпуск № 8 (177)

Февраль, 2017

Газета

Государственного

музея-заповедника

«Ростовский кремль»

Икона «Святцы годовые» (1864): музейный предмет как идея сувенира

Ил. 1

Икона «Святцы годовые» (ГМЗРК. Ф-2360. Медь, эмаль, дерево; живопись по эмали, штамп; 61x53 см). поступила в музей в 1929 г. из ростовской церкви Воскресения Лазаря (ил. 2) – разрушенной в 1930-е годы (находилась на пересечении улиц Бебеля и Революции, бывших Успенской и Лазаревской). Сейчас экспонируется в Музее финифти ГМЗРК.

Произведение представляет собой иллюстрированный церковный календарь с изображением святых и праздников на каждый день года по месяцам. Его еще называют годовой минеей. Экспонат состоит из двадцати четырех финифтяных пластинок, смонтированных на деревянной доске. На двенадцати пластинках, соответствующих месяцам года, изображены святые и праздники.

Под каждой пластиной с миниатюрными изображениями – текстовые пластины с тропарями, или молитвами.

Все пластины обрамлены одинаковой оправой в виде полочки ложной зерни – металлического «жемчужника», выполненного при помощи штампа.

Различные сюжеты изображены в отдельных клеймах, обведенных золотом. Над каждым из них – название. Если в один день церковь читает два или несколько событий, то каждый из них представляет собой самостоятельное изображение, надписи над ним начинаются с буквенного изображения цифр в соответствии с днями, например, 1 января,

«А» (по старому стилю) изображено два события: Обрезание Господа нашего (Иисуса Христа) и память свт. Василия Великого. 2-го, «В», – свт. Силвестр; 3-го, «Г», – прп. Малакия и муч. Гордия, и т.д.

Сокращения не соответствуют принятым сейчас, например: святитель (свт.) – здесь «с.»; преподобный (прп.) – здесь «пр.»; мученик (муч.) – здесь «м.».

Каждая финифтяная пластина характеризует определенный месяц, изображения разделены на шесть регистров (ярусов) с пятью или шестью клеймами, в каждом из которых миниатюрные изображения превышает число дней месяца, так как зачастую на один день приходится дни памяти нескольких событий церковной истории и различных святых.

Рассмотрим пластину на январь (ил. 3). В первом ряду шесть сюжетов (слева направо). Перечислим клейма:

- 1 – Обрезание Господне;
 - 2 – свт. Василий Великий, архиеп. Кесарии Каппадокийской;
 - 3 – свт. Силвестр, папа Римский;
 - 4 – прп. Малакия и мученик Гордий;
 - 5 – Собор семидесяти апостолов;
 - 6 – прп. Феоктист;
- Во втором ряду пять сюжетов:
- 1 – изображены святые, память которых падает на Крещение Сочельник;
 - 2 – Святое Богоявление и крещение Спаса нашего Иисуса

Христа;

- 3 – Собор Предтечи и Крестителя Господня Иоанна;
- 4 – прп. Георгий Хозевит, Домника и Емилиан;
- 5 – муч. Полиевкт и свт. Филипп, митрополит Московский.

Далее, тоже в соответствующей церковному календарю последовательности, изображены святые: муч. Татиана, свт. Савва, архиепископ Сербский (3-й ряд, клеймо 3); прп. Ефрем Сирий (6-й ряд, клеймо 2) и др.; а также памятные даты: перенесение мощей святителя Иоанна Златоуста (6-й ряд, клеймо 1); Собор Вселенских учителей и святителей Василия Великого, Григория Богослова (6-й ряд, клеймо 4), и другие.

Ниже на белой пластине – текст Богоявленного тропаря:

«Спаси Господи люди Твоя, и благослови достояние Твое, победы Благоверному ИМПЕРАТОРУ нашему, имярек, на сопротивных даруя, и Твое сохраняя крестом твоим жительство».

Во 2-й половине XIX века основу прихода Лазаревской церкви составляли ученики известного мастера финифтяных дел Якова Ивановича Шапошникова. Из этого храма в собрание музея поступило сорок икон на эмали, среди которых и уникальная финифтяная годовая минея.

Изображения клейм иконы были использованы для изготовления своеобразного сувенира – календаря (ил. 1). Этот календарь можно купить в музейном магазине «Сувениры».

Вера Пак

Ил. 2

Ил. 3

Как учили столяров?

Ответить на вопрос заголовка можно, прибегнув к помощи маklerских книг Ростова конца XVIII – начала XIX в. (хранятся в Ростовском филиале Госархива Ярославской области), которые содержат договоры на обучение столярному делу.

В Ростове и уезде в качестве мастеров, берущихся обучать столярному ремеслу, упоминаются чаще посадские люди, реже – крепостные разных помещиков, иногда купцы, имевшие артели. Ученики – дети посадских и купцов, отдаваемые родителями, а также крепостные, обычно дворовые люди, посылаемые в обучение своими помещиками.

Рассмотрим один из таких договоров. Его заключили 25 ноября 1803 г. ростовский помещик, подпоручик Алексей Иванович Подлеснов и ростовский же посадский, мастер Петр Яковлев Павлов. Подлеснов отдал Павлову для обучения столярному мастерству своего крепостного, дворового человека Ивана Романова.

В документе довольно подробно описано, какие умения должен обрести Романов за время обучения: изготавливать стулья и кресла, канопе и софы, комоды, разные «наклейные» столики и бюро; подбирать цветные рисунки из различных пород дерева, краски, знать, как дерево «замаривать».

Учиться, согласно договору, предстояло пять лет, без платежа за обучение деньгами и хлебом. Обеспечивать Ивана Романова нижней и верхней одеждой,

обувью должен был Подлеснов. От ученика требовались покорность и послушание мастеру. Мастер же мог наказывать ученика за грубость, лень, непослушание и другие проступки.

Подлеснов не имел права в течение упомянутого срока ни отвлекать своего человека от обучения, ни забрать его от мастера. Последний обязывался обучать ученика «со всякой прилежностью и с толкованием», показом всего того мастерства, как он сам производить может и будет, ничего не скрывая.

По истечении срока обучения мастер был обязан представить помещику его дворового как владеющего мастерством в совершенстве. Если ученик оказывался «не выучен», Подлеснов мог взыскать с Павлова за каждый год обучения по 25 рублей «за житье у него понапрасну».

Если помещик забирал своего дворового ранее пятилетнего срока, он обязан был заплатить мастеру по 25 рублей в год за его содержание.

Завершает документ традиционная фраза о том, что стороны обязуются «содержать договор свято и не рушимо».

16 декабря 1803 г. договор от мастера П.Я. Павлова и помещика А.И. Подлеснова был представлен в Ростове у маklerских дел. В маklerскую книгу под № 180 его записал маkler Алексей Привалов.

Договор заверен подписями сторон, имеются отметки о регистрации документа у маклера

Александр Морозов

Договор на обучение крепостного Ивана Романова столярному мастерству между ростовским помещиком Алексеем Подлесновым и посадским Петром Павловым

Декабря 16. 1803 года ноября 25 дня ростовский помещик подпоручик Алексей Иванов сын Подлеснов и посадский Петр Яковлев сын Павлов училили между собою сие договорное письмо в том, что отдал я, Подлеснов, ему, Павлову, крепостного своего дворового человека Ивана Романова для обучения столярному мастерству, как то: стулья, креслы, канопе, софы и комоды, и разные наклейные столики, и бюро. Набирать разных красок деревяными, и как оные замаривать, от вышписанного числа впрядь на пять лет, без платежа за оное обучение денег и хлеба. А что касается до одежды нижней и верхней, и обуви, то оное все получать Павлову во все те годы от меня, Подлеснова. Которому человеку и быть у него, Павлова, во всякой покорности и послушании, а [в] случае его, Романова, каких-либо ему учиненных грубостей и лености или непослушания и других проступков, волен он, Павлов, и наказывать по мере его преступления. Подлесному же во все те лета не требовать, и от учения не отвлекать, равно и ему, Павлову, обучать его со всякой прилежностью и с толкованием, и с показанием всего того мастерства, как он сам, Павлов, производить будет, ничего не скрывая. А по прошествии означенного срока представить ко мне его, Романова, совсем знающего в мастерстве. А ежели не выучен он будет в пятилетнее время, то должен я взыскать с него, Павлова, за каждый год по двадцати по пяти рублей за житье у него понапрасну. А ежели и я, Подлеснов, от него возьму не дожившего пятилетнего времени, то должен ему, Павлову, заплатить тож по двадцати по пяти рублей за содержание его. И сие договорное письмо содержать свято и нерушимо.

К сему договору подпоручик Алексей Иванов сын Подлеснов руку приложил.

К сему договору ростовский посадский Петр Яковлев сын Павлов руку приложил.

1803 года декабря 16 дня сей договор от ростовских посадского Петра Яковлева сына Павлова и господина подпоручика Алексея Иванова сына Подлеснова в Ростове у маklerских дел явлен и в книгу под № 180 записан. Маkler Алексей Привалов.

Ниже другим подчерком, чернила более темные:

Подлинный договор ростовский посадский Петр Яковлев сын Павлов явил и расписался.

Ниже другим подчерком и чернилами коричневыми: Подлинной договор коллежский ассессор Алексей Дмитриев сын Зверинцов взял для доставления подпоручику Алексею Иванову сыну Подлеснову.

РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3357. Л. 90 об. – 91

Древнейшее прошлое Ростовской земли Бронзовый век — новые гости

Продолжение.
Начало в «РС», № 168

Бронзовый век в степях начался за 4 тыс. до н.э. Но главное тут было даже не появление нового материала. Металл дорогой, импортный с Карпат и Балкан, а потом с Кавказа. А новый вид хозяйства — скотоводство. Лошадь степняки приручили еще в неолите, она и дала возможность пасти овец. А на Днепре ведущей отраслью стало земледелие. И то, и другое способствовало

быстрому приросту населения. Но и то, и другое очень зависит от колебаний климата. Начинаются засухи, и массы скотоводов подаются следом за травой на север, в леса.

Первыми тут оказались люди фатьяновской культуры. Принято говорить «племена». Но вряд ли тут пригодно множественное число. Первое их вторжение произошло около 2500 г. до н.э. Их могильники — почти сплошь мужчины «призывного возраста». Все с боевыми (ил., слева)

и рабочими топори, с заупокойной пищей в шарообразных сосудах со шнуровым орнаментом на прямо поставленном горле (ил., справа) (отсюда название — культуры шнуровой керамики и боевых топоров). Мы знаем, откуда они приходят на Волгу — из-под Киева. Многие формы их сосудов, орнаментов восходят к традициям земледельцев дунайских культур, которых я считаю предками славян. А рабочие кремнёвые топоры у них, похоже, делались в одних и тех же мастерских.

Следов фатьяновцы оставили немало. Их сверлённые боевые топоры украшают каждый музей. Керамика есть на многих стоянках, где до них жили неолитические рыболовы льяловской и волосовской культуры. Значит, оказавшись в одной семье, и они были рыбаками? Не факт. Эти стоянки занимают те немногие места, где можно расположиться у воды, но на сухом месте. Кому-то важно, чтобы рядом было озеро, а фатьяновцам — чтоб луга.

Но взаимоотношения с аборигенами у них не сложились. Нет таких сосудов, у которых совмещаются признаки волосовской и фатьяновской культур. Так что ни навыков металлургии, ни скотоводства они не передали. Около 18 в. до н.э. они исчезли. Скорее всего ушли на Восток, в Чувашию, где родственное им племя — балановская культура — сумело закрепиться на Волге.

Владимир Сидоров

Боевой топор и сосуд фатьяновской культуры, представленные в исторической экспозиции музея. Подробная информация о них опубликована в блоге «Ростовская земля. История и культура» <http://rostland.blogspot.ru/>

Топографический план Сарского городища 1929 г.

В начале 1924 г. в Ростовском музее был создан археологический отдел (этот термин обозначал как археологические коллекции, так и сотрудников, которые занимались формированием и изучением этих коллекций). Не являясь случайностью то, что именно в 1924 г. начались большие работы по исследованию наиболее интересного раннесредневекового памятника в регионе — Сарского городища. Раскопки были организованы музеем совместно с Ростовским научным обществом по изучению местного края и археологом из Государственного исторического музея Д. Н. Эдингом. Для новых работ потребовался топографический план. Он был снят И. Л. Сосфеновым и опубликован в монографии Д. Н. Эдинга «Сарское городище» (Ростов, 1928). План выполнен в традициях XIX в.: склоны городища показаны штрихами, а не горизонталями, масштаб приведен в дюймах. На плане показана только территория проведения

раскопок 1924–1925 г.

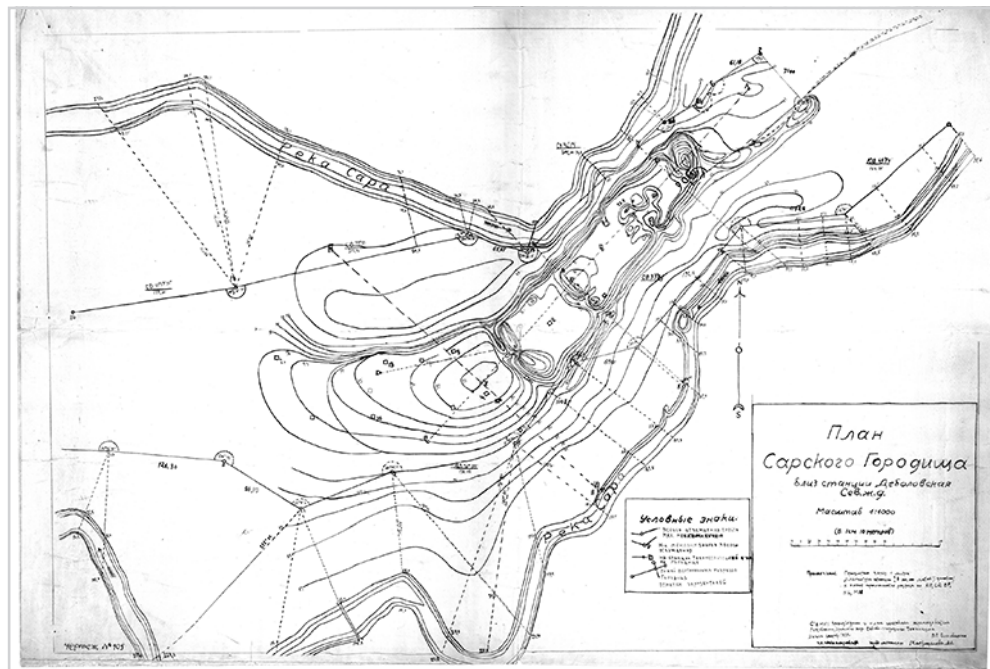
В 1929 г., несмотря на протесты музея, трест Москамнеруд получил разрешение на срытие холма, на котором находилось городище, для добычи гравия при условии, что трест оплатит археологические исследования памятника. Для таких раскопок нужен был новый подробный топографический план.

Этот план находится в фонде «Архитектурные чертежи, карты, планы» музея под номером Ар-494 (см. ил.). План впервые публикуется полностью, ранее А. Е. Леонтьев включил в свою монографию «Археология мери» (М., 1996) упрощенную его прорисовку. План выполнен в масштабе 1:1000 (в 1 см 10 м). Размеры плана — 72x107,5 см.

Горизонтали (сплошные линии) проведены через точки одной высоты) проведены через 1 м. Из надписи в правом нижнем углу документа узнаем, что он составлен преподавателем Ростовского садоводорядного техникума П. П. Благовещенским в августе-сентябре

1929 г., а перекопирован председателем месткома А. Л. Митрофановой. В нижнем левом углу имеется надпись «Чертеж № 105». На плане обозначены четыре разреза, один продольный и три поперечных, и еще один разрез участка западной части, которые также сохранились. Это чертежи № 107–110. На плане обозначена «полоса отчуждения треста Москамнеруд», которая полностью окружает городищенский холм в излучине Сары. Год спустя после снятия плана холм, на котором находилось городище и выявленный в 1930 г. могильник VIII–X вв., был полностью уничтожен карьером. Сарский археологический комплекс является одной из самых серьезных утрат археологического наследия в России в XX в. План 1929 г., который хранится в фондах музея, позволяет представить как выглядело Сарское городище — важнейший археологический памятник Волго-Окского междуречья.

Алексей Каретников

О жизни крестьянской — этнографическое описание 1926 года

Окончание.
Начало — в «РС», № 176

Старая женская одежда — это сарафан, рубаха «с долгими» рукавами, шугайчики и парчевые полушубки, их кончили носить в 40-х годах. 80-ти лет старухи помнят, как они лежали в сундуках их матерей, о кокошниках не помнят ничего. Сарафаны шились из «крашенины» — набивной материи, которую изготовляли в с. Воцажникове (дом этот вместе с производством сгорел). Повойник также исчез. «Модочки» и шляпы помнят хорошо, мода на них «вышла» лет 30 назад. В период 1918–23 года одежда шилась из «домоткани», окрашенной ольхой, железом, шшками, ткали в клетку и полоску. Теперь девицы одеваются по моде, из «тканины» платья не носят и в рабочую пору.

Ткут в деревнях мало, и то лишь белую новину на нижнее белье и полотенца. Прядут большинство на прялках, на веретено прядут лишь овечью шерсть, причем не с гребня, а с пряжи, шерсть идет на чулки и рукавицы.

Девицы почти не прядут, занимаются рукоделием — вязаньем кружев крючком из очень тонкой бумаги к полотенцам, а из своей пряжи вяжут салфетки.

В большой моде шитье по выдерганному холсту — строчка, вышивка производится в пальцах. Переборным тканьем не занимаются давно.

С такими работами девицы зимой ходят каждый вечер на «беседы» по очереди к каждой, приходят парни, и беседа кончается танцами. Такие же беседы бываю и у баб, и также иногда заканчиваются танцами.

Кроме «бесед» устраивают «вечера», обычно в праздники приглашают в гости молодежь других деревень. Дом для вечеров откупается заранее, за один вечер девицы должны сшить 1.000 снопов и вырыть 130 мешков картофеля.

«Вечера» часто кончаются драками, в которых участвуют деревни 4-ре, человек до ста. Дерутся железными перчатками, ножами, пускают в ход дрова, сложенные в поленницы у домов. Большое гулянье, когда участвуют целые деревни, бывает 1 раз в год близ д. Душилово, в воскресенье перед Петровым днем.

На Рождестве женщины занимаются гаданьем, интересен способ «зазыванья» женихов: девицы верхом на клюке едут к околице, разметая дорогу помелом, и говорят: «приезжайте, женихи, со всех сторон», «въезжайте со всех концов».

Гадают по-разному: слушают под окнами — парни нарочно начинают «крыть матом», когда подметят у избы девицу — «отучая» их от гаданья, ловят квашню с завязанными глазами, пускают таракана на перекресток и др[угое].

Большое оживление вносят свадьбы, которые «справляют» по-старинному, в д. Тумакове была лишь одна

гражданская свадьба. Невеста всегда вопит (записано несколько причетов), сохранился обряд заплетанья косы и расплетанья ее подругами последний раз в ночь на венчанье, сопровождаемый песнями. Записано 18 свадебных припевов гостям и жениху с невестой.

Лет 25 как исчез обряд, когда молодых водили в баню на другой день после венца; сопровождала их вся деревня-«ряженая» на лошади, пелись «безобразные песни» — «такие, что убежишь». До сих пор у ворот дома жениха и невесты делают из елки ворота с надписью, у первого, — «Въезд дорогих гостей и новобрачных (имена)», у второй — «выезд». Росписи приданого уже не дают. Разводы участились — в Тумакове насчитывают 5 разводов. Девиц уважают «нравственных», не только над девицами и над женщинами «легкого поведения» смеются, так одной замужней женщине, у которой насчитывают до 5-ти мужей, устроили парни ночью «красоты», разукрасили тряпочками рябину перед ее окном, на утро сбегалась вся деревня посмотреть на невесту — женщину, жившую уже 3 года замужем.

Хоронят теперь всех в гробах — лет 70 назад хоронили в колодах. Интересно «смертная» одежда мужчин — это халат из голубой, бордовой или кубовой материи, который надевается вместо верхней одежды; как женщин, так и мужчин хоронят в саване, в руку вкладывают платочек — кусочек белой ткани, и свечу.

В гроб кладут листья березового венника, чтобы мягче лежать было.

Причитают всегда, если некому — так, одного крестьянина хоронили, когда вся семья лежала в больнице сипняком, — то причитали родные за жену. Причетов, к сожалению, не удалось записать. После смерти на углу дома покойного вывешивают «полотенце» — кусок белой ткани и чашку с водой — умыться душе. Священнику принято дарить в 9-й, 20-й, 40-й дни, а также в день погребения белый пирог с рисом и яйцами.

Крестины происходят в деревне незаметно. Принимает чаще «бабка», больница хотя и рядом, и «уважают» ее, но в этом случае туда не обращаются — заставляют там лежать не меньше недели, в то время как дома бабушка поднимает на 2-й 3-й день после родов. До 6-ти недель женщина не ходит на колодезь — грешно. Крестят в церкви, если ребенок слаб, то на следующий день после появления его на свет, если же крепок, то через неделю.

В церковь ездят крестный и крестная, после обряда родители устраивают чай, закуску, вино, дарят «бабке» подарки, кум куме на кофту, она ему полотенце, младенцу «на кашу». Имена в моде: «Тамара, Зоя, Игорь, Валентина».

Несмотря на то, что народ довольно культурный, многие верят в приметы, в суще-

ствование дворового, домового и пр[очее]. Дворовый — это петух, если он водится, то и скотина водиться будет. Видят дворового в образе какого-нибудь члена семьи, но обычно ничего не говорящего «пройдет, посмотрит и уйдет». Домовой воплощается в кошку и первый, кого выпускают в новую избу, — это кошка.

«Куриный бог» висит лишь у немногих, это старый лапоть, пристроенный на веревке к балке двора. Убеждены, что плотников надо «ублагодарить» вином и едой, иначе они выстроят дом так, что в нем и жить-то не будет — будут летать кирпичи, куски дерева, в печках будет целые дни и ночи пищать, и пр.

Верят бабы и в колдунью-«пережинку», отнимающую у них «спорынью» во всем путем пережина ржи в ночь на Ивана Купала. Пережины случаются каждый год, замечают их при жатве — через поле идет узенькая полоска срезанной ржи.

Существует целый ряд способов узнать и известить пережинку, а также оградить себя от пережина, для последнего нужно завязать на 4-й полосе через 3 крест из растущей ржи, или в ночь на Ивана Купала сжать горсточку со своей полосы.

Интересны способы «извода» пережинок: нужно либо сложить пережатые колоски в воду, и как они распухнут, так распухнут и колдунья, или повесить их где-нибудь на кол, как высохнут, так высохнут и она. «Извели» пережинку д. Тумаково (крестьянку) Оникину, крестьянка той же деревни, — она сожгла пережатые колоски в печи, и в тот же момент Оникина сошла с ума и стала кричать: «Ой, жгут меня, жгут».

Ограждают и от «сглаза» — невесте в ботинки насыпают льняного семени, жениху в карман кладут кусочек дерева от чеки. Чтоб будущий муж не изменял, в подол венчанного платья вкалывают накрест 2 иголки. Чтоб не мерещился покойник, необходимо потрогать его за голую ногу, если он при смерти не закрыл глаза, следовательно выглядит еще человека.

Жнитво начинают во вторник, четверг и субботу — в легкие дни «...». В церковь ходят мало, молодежь совсем не посещает — изредка ходят девицы показать свои наряды; исповедалься лишь 5 человек из всей деревни (22 дома). Священников же охотно принимают в праздники «со святом» и устраивают заведенные издавна крестные ходы — «поднимают иконы».

Молодежь настроена иначе. Комсомольцы «от греха» — от ругани родителей уходят из деревни во время крестных ходов.

Во же время в хозяйственных вопросах с мнением комсомольцев очень считаются (в Тумакове 2 человека).

Публикацию подготовила
Любовь Мельник

«Дела ваши совсем плохи!»: губернатор Н. А. Безак против купца А. А. Титова

Среди писем Андрея Александровича Титова, адресованных историку и близкому другу Елпидиофу Васильевичу Барсову, ныне хранящихся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве, имеется корреспонденция, довольно ярко и выразительно свидетельствующая о том времени, когда ростовский купец находился под надзором полиции.

Письмо датировано 10 декабря 1879 г. и по горячим следам описывает инцидент вызова А. А. Титова, председателя Ростовской уездной земской управы, «на ковер» к тогдашнему ярославскому губернатору генерал-майору Н. А. Безаку. Андрей Александрович ничуть не ошибался, когда указывал на главного инициатора своих бед – уездного полицейского исправника Д. А. Недовескова. Его роль в административном преследовании А. А. Титова – установлении сначала гласного полицейского надзора (15 ноября 1877 г.), а затем, после избрания купца председателем земской управы (30 мая 1878 г.), неусыпном поддержании информационного фона о «вредной деятельности» и «политической неблагонадежности» ростовца для сохранения негласного надзора, – была едва ли не решающей. Уездный полицейский чин со всей служивой горячностью откликнулся на запрос губернской власти относительно личности «ростовского корреспондента» в столичных газетах. Свое служебное положение он использовал в качестве верного средства сведения счетов с одним из ярчайших местных земцев и общественных деятелей.

Доносы Недовескова с регулярным постоянством доносились до ярославских губернаторов – Н. К. Шмита, Н. А. Безака, отложившись для истории в «Деле о ростовском купце А. А. Титове» губернаторской канцелярии, хранящемся в Государственном архиве Ярославской области. Судя по этим секретным рапортам («гнусным штукам», говоря словами Титова), именно они зачастую становились источником формулировок для губернаторских и даже министерских вердиктов в «политическом деле» купца. А. А. Титов догадывался об особой роли Недовескова в своем «безысходном положении». Потому не случайно в другом письме Е. В. Барсову, от 22 сентября 1879 г., называл этого ростовского полицейского чиновника «губернаторским наместником, каковой чести никто никогда не удостоивался».

Губернатор Н. А. Безак, вступивший в должность 30 декабря 1878 г., «дело Титова» получил «в наследство» от своего предшественника Н. К. Шмита. Если судить по комплексу материалов архивного дела из губернаторской канцелярии, то может создаться впечатление, что Безак оставался индифферентным к доносам ростовского исправника. Документы не зафиксировали реакции губернатора ни на известие о «шумной» статье Е. В. Барсова в московской газете «Современные известия» (как утверждалось, составленной «не иначе как по инициативе г. Титова»), обличавшей настоятеля Спасо-Яковлевской обители в качестве губи-

теля старинной архитектуры монастыря, ни на сообщение о резком осуждении А. А. Титовым противоправных действий в уездном по воинским делам присутствии предводителя ростовского уездного дворянства Д. А. Булатова.

Намек на начальственное раздражение проявился в отделе от «дела» конфиденциальном запросе Безака Титову о целях и средствах сбора председателем земской управы информации о скотоводстве в Ростовском уезде (от 12 сентября 1879 г.). «Подлецам достать меня нечем, то вот выводят какие умозаключения. Можно ли после этого делать что-либо полезное для уезда?» – задавался Титов вопросом на следующий день в послании Барсову. И с достоинством обстоятельно отвечал «на требование» его превосходительства, «что сведения о скотоводстве мной собирались для представления о положении этой отрасли сельского хозяйства к очередному земскому собранию...». Относительно же губернаторского вопроса-окрика, почему данные собирались через волостных писарей, давал простое пояснение: «потому, что сведения эти могли доставиться гораздо скорее, чем через волостные правления». Когда же мы раскрываем опубликованный титовский отчет «Сведения о скотоводстве по Ростовскому уезду, собранные и составленные в 1879 году» (Ярославль, 1880), то понимаем, отчего его автор в предисловии будто бы спорит с неким невидимым оппонентом...

Методично подогреваемое недовольство губернатора ростовским деятелем в одночасье прорвалось в вызове купца к губернатору (7 декабря) и также – в подробном изложении инцидента А. А. Титовым в письме к приятелю (10 декабря). Начальник губернии не сдерживал себя в эмоциях и тоне: он орал на председателя Ростовской земской управы, грозя ему «увольнением» от выборной должности и высылкой из губернии «административным порядком».

Угроза ссылки неотступно преследовала А. А. Титова с момента объявления ему 15 ноября 1877 года репрессивной меры – гласного полицейского надзора.

Когда же вскоре и этому губернатору пришла замена, Андрей Александрович все так же с тревогой вглядывался в будущее. 6 марта 1880 г. он писал Барсову: «К нам вместо Безака назначается уфимский губернатор В. Д. Левшин, он был, говорят, прежде чем-то вроде правителя канцелярии у Муравьева в Западном крае. Не узнаешь ли от Кошелева (Александр Иванович Кошелев (1806–1883) – публицист, славянофил. – Я. С.), что это за господин. Не зверь ли какой?»

Однако на сей раз опасения оказались напрасными. Именно Владимиру Дмитриевичу Левшину (1834–1887) суждено было выволить Титова из пут административно-полицейского произвола: отмена поднадзорности последовала 26 июля 1882 г. А выдающаяся роль губернатора В. Д. Левшина в поддержке инициатив А. А. Титова и его соратников по реставрации Ростовского кремля и созданию в его стенах музея церковных древностей – хорошо известна. Она – ярчайший пример того, как власть, используя не только немалый административный, но и личный ресурс, может действовать во благо культурного преобразования общества, оставляя и потомкам по себе добрую и благодарную память.

С генералом Безаком, новопришедшим нижегородским губернатором, Титов оставался непримирим. Тому же Барсову он в августе 1880 г. сообщал с Нижегородской ярмарки: «К Безаку, несмотря на то, что он меня звал сам на бульваре, я не пойду. Я никогда не забываю и не забуду наносимые мне оскорбления. Безаку я не прощу, и в недалеком будущем сумею отомстить так, что он пропомнит меня всегда. Ведь письма его у меня в руках». А. А. Титов был чувствителен к разного рода общественным несправедливостям, притеснению личности. Не опускал руки и в собственной ситуации «политического» преследования, умел отстаивать честь и достоинство, продемонстрировать обидчикам и врагам презрение.

«Отмщение» генералу Безаку, к тому времени уже главному начальнику всех российских почт и телеграфов (1882–1895), действительно вскоре пришло. Оно настало его тем способом, какой А. А. Титов, теперь как историк, хорошо усвоил с тех самых пор: однажды запечатленный факт никогда не исчезает из истории. В одном из сборников «Чтений в Обществе истории и древностей российских при Московском университете» (кстати, вышедших под редакцией секретаря этого общества Е. В. Барсова) за 1887 год ростовец поведал о странной судьбе открытого «в одном из древнейших русских городов» нумизматического клада: «Мы не можем умолчать о следующем факте, случившемся в 1879 году...».

«Начальник, к которому этот клад представил секретарь Статистического комитета, оказался любителем нумизматики и имел, кажется, свое собрание. Генерал преспокойно отложил себе все западные монеты, а остальные велел переслать в Археологическую комиссию. Почтенный секретарь, горя духом о родном крае, позволил, было, себе высказать о значении этих мо-

нет для истории города и просил позволения хотя списать их, но был удален из кабинета начальника, и даже не совсем вежливо. Любитель нумизматики вскоре покинул свой пост и увез с собою эти монеты, столь важные для истории древнего города и проливавшие совсем другой свет на определение первых аборигенов этой местности».

В «любителя нумизматики» без труда узнается ярославский губернатор Н. А. Безак. Именно он, согласно официальному источнику, возглавил специально созданную комиссию «по изучению древних монет, обнаруженных в Угличе в августе 1879 г. Благодаря гласному разъярению А. А. Титова «бытование» знаменитого угличского клада, о котором и впоследствии не раз писали историки, становится яснее. Близкие примеры из ярославского прошлого демонстрируют, что судьбы исторических памятников нередко напрямую зависят от нравственных принципов, меры просвещенности и культуры власть предержащих.

Публикуемое письмо А. А. Титова – новое документальное свидетельство о сложном периоде его биографии – нахождении под надзором полиции (1877–1882). Написанное эмоционально, оно характеризует темперамент и психологическое состояние человека, не сломленного житейскими невзгодами. Большой поддержкой ему тогда были его друзья. Е. В. Барсов, с которым знакомство состоялось в начале того же 1879 г., быстро и естественно вошел в ближайший круг приятелей и соратников ростовского купца. Корреспонденция с просьбой о товарищеском содействии (при подаче жалобы московскому генерал-губернатору князю В. А. Долгорукову), адресованная известному историку-археографу, знаменует и важную перемену мировоззренческих и социокультурных ориентиров – от злободневной журналистики к научной деятельности археографа, историка, краеведа.

Данное письмо Е. В. Барсову – единственный на сегодня известный целостный источник, в котором А. А. Титов от первого лица сообщает факты об одном из эпизодов своего «подлого положения» и выражает отношение к ситуации в целом (другие подобные письма и прошения были составлены его другом Л. Н. Трефоловым).

Вновь обнаруженный эпистолярный источник содержательно дополняет другие архивные материалы, представленные в нашей публикации «Купец А. А. Титов под надзором полиции (новые документальные источники)» (в сб.: История и культура Ростовской земли. 2015. Ростов, 2016. С. 111–171).

Публикацию подготовил
Ярослав Смирнов

Ярославский губернатор Н. А. Безак (30.12.1878 – 22.02.1880)

Письмо А. А. Титова Е. В. Барсову, 10 декабря 1879 г.

Декабря 10 1879.

Вообрази, какую еще раз гнусную штуку со мной сыграл исправник.

7 декабря получаю из канцелярии губернатора письмо, без его подписи, требующего явиться в Ярославль. Что, мол, сей сон значит? Еду. Явился к губ[ернатору], прождал с 1/2 часа, вызывают в кабинет. Безак вдруг заорал на меня так: «Дела ваши совсем плохи! Вы оскорбили предвод[ителя] дворянства, распусти слухи о неправильностях его при наборе, и говорили, что он кричал на старшин. Неправильностей он не делал, а на старшин кричать мог». Когда я хотел доказать Безаку, что это дело частное и личное, и что было вовсе не так, как ему передали, то он и слушать не стал. Начал говорить о своей власти губернаторской, что он меня уволит от должности, вышлет административным порядком. Что я его беспокою, ибо ни на одного председателя нет жалоб, а только на меня. Затем разразился указами про братью С[пасо]-Яков[левского] монастыря, говоря, что хотя Барсов и подписался, но я принимал сильное и живое участие в этой статье, и потом упрекнул, что я собрал сведения о скотоводстве не через вол[остные] прав[ления], а через писарей. Вообще из всего его крика я не мог уяснить даже своей и вины. Ясно, что ему полиция систематически на меня доносит, а он по своей недалекости верит всему безусловно.

Согласись, пожалуйста, что такое положение есть положение безысходное. Один из моих приятелей мне дает искренний совет – как-нибудь добиться до москов[ского] генерал-губернатора и искать у него защиты от подобного рода посягательств. Меня обвиняют в таких делах, которые не имеют ничего преступного, и которые даже не могут быть возбуждены и судом. Посуди сам, что мне делать, когда самодур, не выслушивая оправданий, обвиняет меня в писании про монастырь, и наконец, выговаривает за совершенно частную личную ссору, до которой нет никакого дела, и которую я могу доказать в таком свете, что полиции едва ли будет хорошо. Но никаких доказательств не приемлется, а в виду власти производится крик и даётся полная вера инсинуациям.

Как, брат, хочешь, но находи случай, чтобы мне защититься, и притом, или у генерал-губ[ернатора], или где-нибудь. Прибавлю, что Безак трус страшный. Ведь для него ничего не значит учинить мне пакость, которую и не расхлебать. Притом же обращение его крайне невежливо, и не со мной одним, а почти и со всеми земцами. Не думай, что пишу тебе в взволнованном состоянии, нет, пишу обдуманно и через 4 дня после этой пакости.

Жду немедленного ответа.

Твой А. Титов.

P. S. Если заметка про В[есни]на не напечатана, то не вели печатать, еще что-нибудь произойдет. Исправник с ним большой приятель.

Распечатываю письмо, чтобы добавить жалобу генерал-губ[ернатору] в том смысле, что Безак вмешивается не в служебные, а частные дела. Ибо писанье корреспонд[енций] и личные счета с предвод[ителем] есть дело частное, и вызывать поэтому для объяснения председателя управы не законно. Предвод[итель] двор[янства] по личным оскорблениям может преследовать судом, равно как и монахи. В подобных вызовах есть оскорбление должностного выборного лица и места. При этом дополню, что мне сам же Безак сказал, что он службой моей вполне доволен, и считает меня честным человеком, но учитывать и благодарить меня есть дело зем[ского] собрания.

Пожалуйста, изыщи средство прекратить это своеволие.

ОПИ ГИМ. Ф. 450. Д. 27. Л. 39-40 об.

К мирной жизни — сквозь пять войн

Материалы, послужившие основой этой публикации, — фотографии, личные документы — бережно хранили в семейном архиве потомки ее героя, крестьянина по происхождению, участника пяти войн. Они дополнены сведениями из Ростовского филиала Госархива Ярославской области.

Михаил Николаевич Орлов родился 4 января 1890 г. в крестьянской семье в селе Спас-Подгорье Борисоглебской волости Ростовского уезда. Семья была большая — 5 детей (3 дочери и 2 сына). Начальное образование получил в 1901 г., окончив 1-классную (3 года обучения) Спас-Подгорскую церковно-приходскую школу, заведующим и законоучителем в которой был священник Петр Попов.

Когда Мише исполнилось 10 лет, он вместе с крестьянами-отходниками уехал на заработки в г. Санкт-Петербург, где и трудился «мальчиком» в мясной лавке.

15 сентября 1911 г. его призвали на воинскую службу. В 1914 г. фельдфебель М. Орлов, награжденный к этому времени медалью «В память 300-летия царствования дома Романовых» (см. фото), должен

был вернуться в отчий дом, но помешала начавшаяся Первая мировая война. На фронте он был до 25 февраля 1917 г. в составе 10 Сибирского стрелкового полка. Однако возвращение к мирному труду длилось недолго. 23 августа 1918 г. его вновь «берут» на Гражданскую войну, в 122-й Стрелковый полк 14-й стрелковой дивизии, в котором он служит сначала командиром взвода, а затем командиром роты. 10 июля 1923 г. боец увольняется «в долгосрочный отпуск».

В 1916 г. солдат получил не-продолжительный отпуск на родину, во время которого женился на девушке Кате, 1898 г.р., из Ростова. От этого брака в 1917 г. у них родился сын Валентин, а в 1920 г. — дочь Лида. После войны Орлов вернулся в Ростов, где проживал в доме 27 Толстовской набережной. Жена Екатерина умерла из-за

воспаления желчного пузыря 4 марта 1927 г. Второй раз Михаил женился 3 июля 1927 г. на уроженке с. Великое Великосельской волости Ярославского уезда Ксении Алексеевны Пылаевой, 22.12.1901 г.р. (по другим сведениям — 6.01.1902), родственнице фабриканта Локалова. 1 мая 1928 г. она родила сына Юрия, а 14 января 1942 г. — дочь Татьяну.

Михаил Орлов принимал участие в «польской кампании» 1939 г., а также в советско-финской «зимней» войне 1939–1940 гг., командуя стрелковой ротой. Прибыв 8 сентября 1939 г. в расположение 125-го Стрелкового полка, он находился там до 1 января 1941 г., когда вновь был «уволен в долгосрочный отпуск». Перед началом Великой Отечественной войны Орлов проходил 2-месячные воинские сборы в г. Брест-Литовске.

Ил. 1. 1-й ряд (слева направо) — Василий Кожин и Семен Чесноков; 2-й ряд — Алексей Коршунов, Михаил Орлов, Василий Новиков и Алексей Комолов; 3-й ряд — Илья Мордасов, Василий Кудряшев, Яков Фалеев, Георгий Недомолкин, Иван Капорин и Сергей Пришвин. Фото 7 апреля 1914 г.

С 20 июля 1941 г. он снова на боевой службе: с 15 декабря 1942 г. — начальник общевоинской службы 28-го дорожно-эксплуатационного полка (по другим сведениям батальона) Северо-Западного фронта, а с 5 июля 1944 г. по 9 мая 1945 г. — в составе 3465-го военного госпиталя для легкораненых 4-й Гвардейской армии 2-го Украинского фронта. В ходе сражений с неприятелем получил два легких ранения. Участник боев за овладение на территории Австрии городом Винер Найштадт, за что 3 апреля 1945 г. получил благодарность за № 328 от верховного главнокоманду-

ющего И.В. Сталина. Наряду с этим был также награжден многими правительственными наградами, в т.ч. орденом Красной Звезды (№ 2038419, приказ по 4 Гвардейской армии Б-931536), медалями: «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Капитану Орлову сразу по окончании войны демобилизоваться не удалось. Согласно воспоминаниям дочери Татьяны Михайловны он до 8 октября 1945 г. исполнял обязанности интendantа в австрийском г. Санкт-Пентель.

По возвращении в Ростов Михаил Николаевич до 1954 г. жил на ул. Октябрьской, а затем — на Пушкинской. Работал продавцом мяса (в магазине, который в народе назывался «Тухлый»). Любил порядок. В помещении магазина, справа от входа, где продавалось мясо, слева — колбасы, консервированные овощи, рыба, в подвальном помещении, используемом для хранения мяса, куда зимой с озера Неро привозили пиленый лед для его заморозки, всегда старался поддерживать чистоту.

Умер М.Н. Орлов в 1961 г.

Константин Степанов

Ил. 2. М. Н. Орлов в первом ряду второй справа (в фуражке). Фото 15 мая 1944 г., Бессарабия.
Ил. 3. М. Н. Орлов слева. Фото 20 июня 1945 г., г. Санкт-Пентель.

Акция «День колоса ржи» 1912 года в Ростове: фото на память

В собрании фотографий Ростовского музея есть публикуемый здесь снимок (ГМЗРК. ФТ-4059). На нем представлена группа людей в одеждах начала XX века. Все они — с лентами через плечо. Ленты белые, на каждой надпись в две строки: «ПОМОГИТЕ ГОЛОДАЮЩИМ». На обороте снимка — надпись: «В помощь голодающим (в настоящее время у Райисполкома) // 1921 год». Женщины держат в руках корзинки, наполненные букетами. Среди растений, составляющих эти букеты, несложно рассмотреть колосья.

Снимок явно выполнен у входа в городскую управу (ныне — Советская пл., 4), в теплое время года, ранним утром — солнце падает из-за здания, с востока-юго-востока, сориентироваться помогает то, что слева на снимке видна глава Никольской церкви на Подозерье.

Конечно, ни одежды запечатленных на фото людей, ни ленты с надписями в дореформенной орфографии не могли относиться к этой дате — 1921 г. Как не могло относиться к этой же дате и упоминание Райисполкома для «настоящего времени». Ведь райисполком, исполнительный комитет Ростовского районного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов был образован в 1929 году, с возникновением вместо уездов — районов.

Видимо, надпись на обороте снимка появилась значительно

позже и времени съемки, и периода бытования уисполкома (исполнительного комитета уездного Совета), когда жителям привычно стало орган местной власти называть райисполкомом. Возможно, дата «1921 г.» для делавшего надпись человека оказалась соотнесена с голодом в Поволжье 1921–1922 гг., когда в Ростове и Ростовском уезде тоже проходили различные мероприятия ради помощи голодающим: собирали средства (в том числе церковные ценности), размещали в селах и деревнях эвакуированных детей.

Все перечисленные сообщения, конечно, очевидны — и потому в музейном описании снимок датирован первым десятилетием XX века: 1901–1910 гг. Однако есть основания датировать снимок точно — вплоть до часа съемки. Полагаю, что дата съемки — 5 апреля 1912 года, между 6 и 7 часами утра. Основания для такой датировки следующие.

Угличский историк С. В. Ерохина выступила в ноябре 2015 года на конференции «История и культура Ростовской земли» с докладом о практике организации в Ярославской губернии, в том числе в Ростове, благотворительной акции для помощи голодающим в начале XX века. Доклад опубликован в материалах конференции (Ерохина С. В. «День колоса ржи» как форма организации благотворительного праздника в начале XX в.

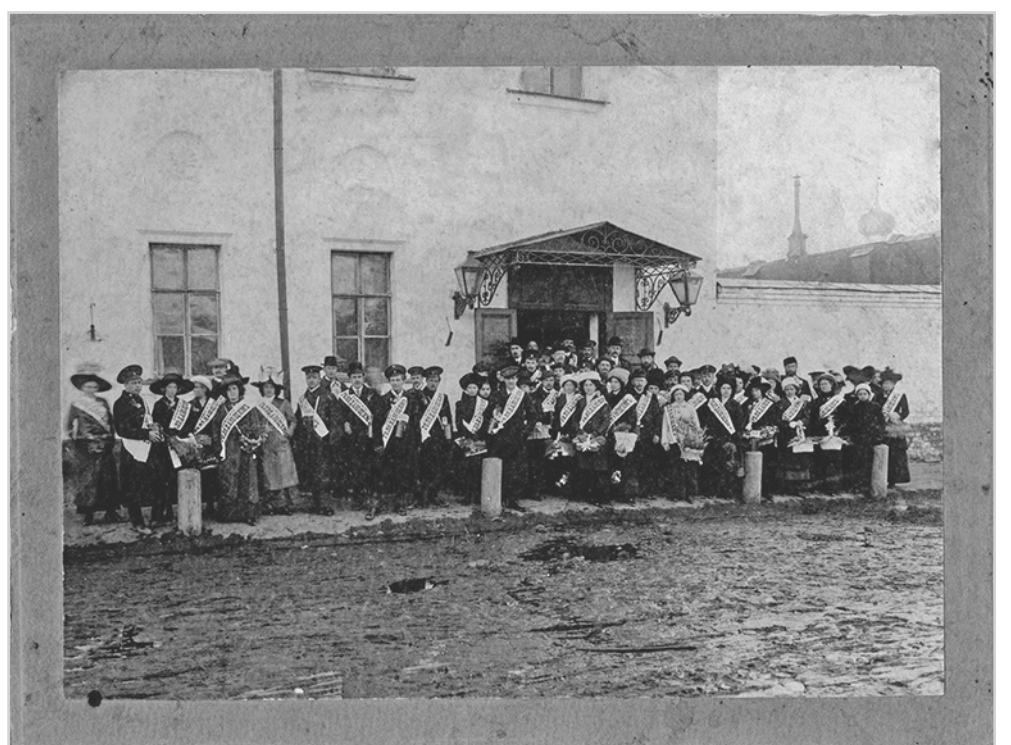
// История и культура Ростовской земли. 2015. Ростов, 2016. С. 210–218).

Исследователь отмечает, что проведение в России «цветочных дней» — акций, символом которых выступали какие-либо цветы («белый цветок», ромашка — символ борьбы с туберкулезом, незабудка — символ помощи престарелым людям, «розовый цветок» — символ помощи сиротам, и т.п.) началось в Петербурге Днем белой ромашки 11 февраля 1911 года, затем это движение было подхвачено повсеместно.

В 1912 году в Российской империи проходила акция «День колоса ржи». Ее целью была помощь жителям пострадавших от засухи и неурожая жителям юго-восточных губерний. Проходила эта акция и в Ярославской губернии. Была, как отмечает С. В. Ерохина, — однократной.

В Ростове акция прошла 5 апреля 1912 года. С. В. Ерохина пишет: «Начало благотворительного праздника приходилось на 12 час. ночи, продолжалась акция ровно сутки 5 апреля, в четверг. Обязательный сбор был объявлен с 7 час. утра. За час сборщики приглашались в городскую управу для совместного фотографирования. Г. Орловым, фотографом, был сделан общий снимок, после волонтеры выдвинулись на улицы и распределены по своим районам».

По завершении акции в Ростове была выпущена брошюра

«Отчет Комитета по организации в городе Ростове 5-го апреля 1912 г. дня «колоса ржи»» (Ростов-Ярославский, 1912).

Заранее согласованным сообщением этой акции была, как видим, фотосъемка участников. Выполнил ее, как очевидно, «Г. Орлов, фотограф». Это, конечно, господин Орлов — Михаил Аверкиевич Орлов, ростовский фотограф.

М. А. Орлов работал в Росто-

ве в начале XX века. В собрании Ростовского музея — немало фотографий, вышедших из его студии (сейчас — ул. Ленинская, д. 5) — и начала XX века, и первого десятилетия Советской власти. Читатели «Ростовской старины» могут вспомнить публикацию записок его дочери, Натальи Михайловны Грейдинг (Орловой), которые под названием «Начало века в Ростове Великом» напечатаны в приложении «Ростовский

гражданин» (позднее — «Ростовская старина»), № 30–35 (публикация готовилась Е. И. Сазоновой), а затем в сокращенном виде, но с большим количеством фотографий, появились в книге «Коммунальная страна в фотографиях и воспоминаниях» (М., 2009). Об этом сообщала в заметке «Семнадцать лет спустя» Е. Крестьянинова (Ростовская старина. Вып. 147).

Любовь Мельник